

“НОВАЯ ИСТОРИЯ” “ИДОЛА” ИЗ КУРГАНА ЧЕРНАЯ МОГИЛА (X в.)

© 2019 г. В.В. Мурашева^{1,*}, О.В. Орфинская^{2,**}, А.Ю. Лобода^{3,***}

¹ Исторический музей, Москва, Россия

² Центр египтологических исследований РАН, Москва, Россия

³ НИЦ «Курчатовский институт», Москва, Россия

*E-mail: vmurasheva@mail.ru

**E-mail: orfio@yandex.ru

***E-mail: lobodaau@mail.ru

Поступила в редакцию 26.06.2018 г.

“Страна в Азии к востоку от Танаквисля
называется страной Асов...,
а столица страны называется Асгард”
Снорри Стурлусон
“Сага об Инглингах”

Курган Черная Могила (г. Чернигов, раскопки Д.Я. Самоквасова 1872–1873 гг.) — самый большой (его высота достигала 10 м) и знаменитый древнерусский курган эпохи заката язычества. Среди богатого инвентаря особый интерес представляет небольшая антропоморфная фигурка — “идол”, ее уникальность обусловлена чрезвычайной редкостью антропоморфных изображений, относящихся к эпохе образования Древнерусского государства (конец IX — начало XI в.). Первоначально фигурка была покрыта столь мощным слоем окислов, что ее черты едва угадывались. Первая попытка реставрации (1982 г.) выявила отдельные детали, которые позволили Т.А. Пушкиной отнести ее к изделиям скандинавского ремесленника и интерпретировать как изображение бога Тора. В ходе нового этапа реставрации (2010 г.) полностью расчищена первоначальная поверхность предмета, открылись ранее невидимые детали, что заставило вновь обратиться к исследованию данной миниатюрной скульптуры. Анализ деталей позволяет говорить о синтезе северных и “восточных” черт в облике “идола” и позволяет выдвинуть предположение об изготовлении фигурки на территории Восточной Европы.

Ключевые слова: эпоха образования Древнерусского государства, язычество, этнокультурные связи, история костюма.

DOI: 10.31857/S086960630004119-9

Среди археологических источников, относящихся к эпохе образования Древнерусского государства (конец IX — начало XI в.) трудно представить себе что-либо более хрестоматийное и знаменитое, чем материалы из кургана Черная Могила (960–970 гг.). Инвентарь кургана, раскопанного в 1872–1873 гг. на территории г. Чернигов (Украина) Д.Я. Самоквасовым, будущим почетным профессором Московского университета, поступил в Исторический музей в 1892 г. (Самоквасов, 1908б. С. 18, 19) и уже более века практически не покидает экспозицию. Однако именно постоянное экспонирование и известность обусловили и “неприкосновенность” комплекса, его слабую

изученность и неординарную судьбу входящих в его состав предметов.

Одним из наиболее значимых артефактов из Черной Могилы является антропоморфная фигурка, уникальность которой определяется чрезвычайной редкостью находок объемных изображений человека, относящихся к рассматриваемому историческому периоду. История публикаций и интерпретации данного предмета непосредственно связана с историей его реставрации. В первой публикации, которая принадлежит автору раскопок Д.Я. Самоквасову, фигурка упомянута в перечне находок как изображение “человека — божка, сидящего на корточках, со сложенными на груди руками

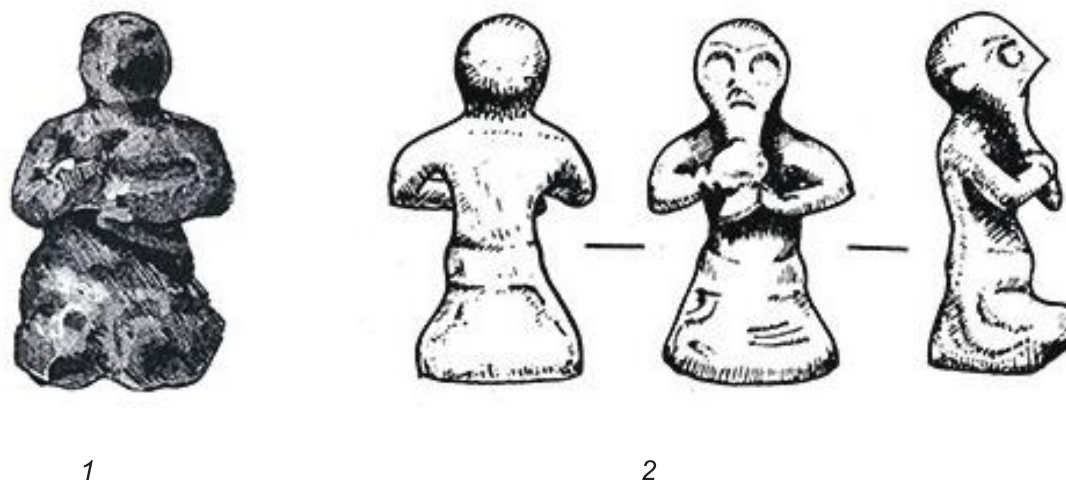

Рис. 1. “Идол” в публикациях XX в. 1 — по: Самоквасов, 1917; 2 — по: Пушкина, 1984.

Fig. 1. The “idol” in the 20th century publications

(Будда?)” (Самоквасов, 1908а. С. 199). Судя по рисунку, опубликованному в посмертном издании 1917 г., фигурка была покрыта мощным слоем окислов, не позволявших рассмотреть детали изображения (рис. 1, 1) (Самоквасов, 1917. С. 11).

Вплоть до настоящего времени наиболее полной публикацией материалов из больших курганов Чернигова остается работа Б.А. Рыбакова, однако “идолу” автор посвящает лишь несколько слов, отмечая, что “к сожалению, до химической расчистки его, очень трудно что-либо сказать об этой сидящей человеческой фигурке с каким-то предметом в руках” (Рыбаков, 1949. С. 43, 45. Рис. 17). Вероятно, вплоть до написания указанной работы “идол” реставрации не подвергался. Единственное упоминание о его судьбе содержится в письме В.Б. Антоновича Д.Я. Самоквасову, где речь идет об изготовлении копии “черниговского божка” для музея древностей университета Св. Владимира в Киеве (Археология..., 2007. С. 61).

Следующий этап судьбы идола связан с реставрационными работами, проведенными в 1982 г. В.Н. Даркевич. После реставрации стал более внятен общий облик фигурки, изображающей сидящего мужчину, круглоголового и бородатого, держащего себя за бороду (рис. 1, 2). Проявились также и отдельные детали — поднятые к груди руки с отведенными локтями, круглые, слегка вытаращенные глаза, щелевидный рот. Стали читаться детали одежды:

“кафтан, между полами которого на коленях 2-3 слабые полоски-складки одежды, вокруг талии широкий пояс, серповидные концы которого свисают слева и справа, на правом запястье браслет” (Пушкина, 1984. С. 86). К интерпретации нового облика идола обратилась Т.А. Пушкина, которая предположила, что идол изображает скандинавского бога Тора. Основанием для этого послужил круг аналогий, некоторые особенности иконографии и детали костюма. После публикации Т.А. Пушкиной интерпретация идола как изображение бога Тора становится практически общепринятой в отечественной научной литературе (Пушкина, Петрухин, 1995. С. 49; Моця, Казаков, 2011. С. 194).

В середине 1990-х годов был осуществлен первый опыт определения элементного состава металлической фигурки с помощью рентгено-флуоресцентного, энерго-дисперсионного анализа, проведенного в рентгено-спектральной лаборатории кафедры геохимии Геологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Результат анализа поверхности показал, что фигурка была отлита из свинцовой меди: Cu — 93.25%, Sn — 0.07%, Pb — 2.58%, Ag — 0.14%, Sb — 0.16%, Fe — 1.5%, Au — 2.3%. Несмотря на то что сильная коррозия и реставрация существенно исказили первоначальный облик этого уникального предмета, наличие золота в составе спектра позволило утверждать, что изначально фигурка была позолочена, что

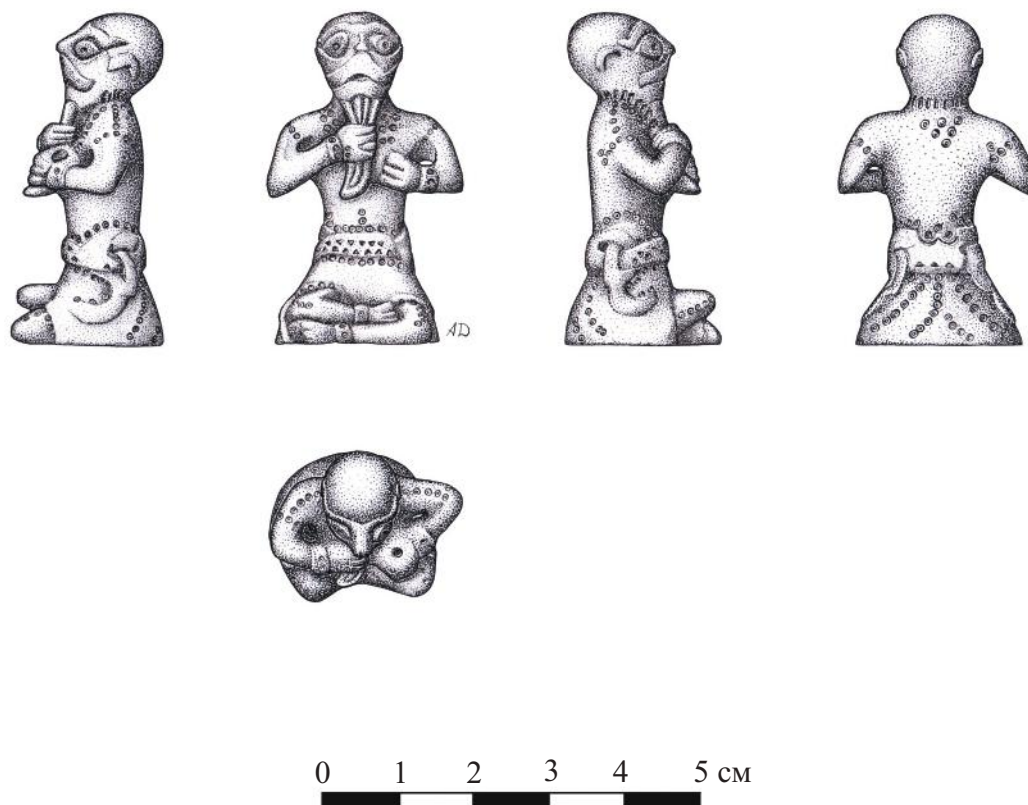

Рис. 2. Идол из Черной Могилы после механической расчистки. Рис. А.С. Дементьевой.
Fig. 2. The “idol” from Chernaya Mogila after mechanical cleaning. Drawing by A.S. Dementyeva

невозможно было определить при визуальном осмотре. Результаты анализа стали еще одним аргументом в пользу отнесения идола к скандинавской ремесленной традиции, так как золочение бронзовых изделий — характерный прием металлообработки Северной Европы эпохи викингов (Ениосова и др., 1997. С. 124, 125).

Вновь обратиться к исследованию уникального артефакта позволила послойная механическая расчистка поверхности, полностью выявившая первоначальный облик фигурки (рис. 2). После реставрации, выполненной в 2011 г. В.А. Ширяковым в отделе научной реставрации Исторического музея, стали прекрасно читаться детали костюма, визуально определимым стало и наличие позолоты. В сжатой кисти правой руки находился неизвестный, полностью утраченный предмет, который был, вероятно, выполнен из органического материала (дерево?) и полностью выгорел.

Прежде всего, выявление “истинного” облика предмета полностью подтвердило точку

зрения Т.А. Пушкиной о его принадлежности кругу североевропейских древностей, среди которых хорошо известна серия небольших объемных изображений сидящих человечков, выполненных из разных материалов (моржовый клык, янтарь, медные сплавы). Всего таких фигурок известно шесть: это находки из Феддета (Дания), Эйрарланда, Бальдурсхеймюра (Исландия), Рэллинге и Лунда (Швеция) (Les Vikings..., 1992. Kat. № 71, 77, 182, 602. P. 246, 247, 276, 387; Ellis Davidson, 1967. P. 134. Fig. 60).

Предназначение фигурок спорно. Большинство исследователей склоняются к мнению, что они являются изображениями языческих скандинавских богов. Возможно, эти статуэтки были миниатюрными копиями статуй из языческих храмов (Ellis Davidson, 1967. P. 134), одним из которых был храм в Упсале, описанный Адамом Бременским (Дюмезиль, 1986. С. 138, 139). Большая часть фигурок считается изображением бога-громоулика Тора и лишь одна (фаллическая) — изображением бога плодородия Фрейра (Ellis Davidson, 1967. P. 123, 134; Graham-Campbell, 1980. P. 154;

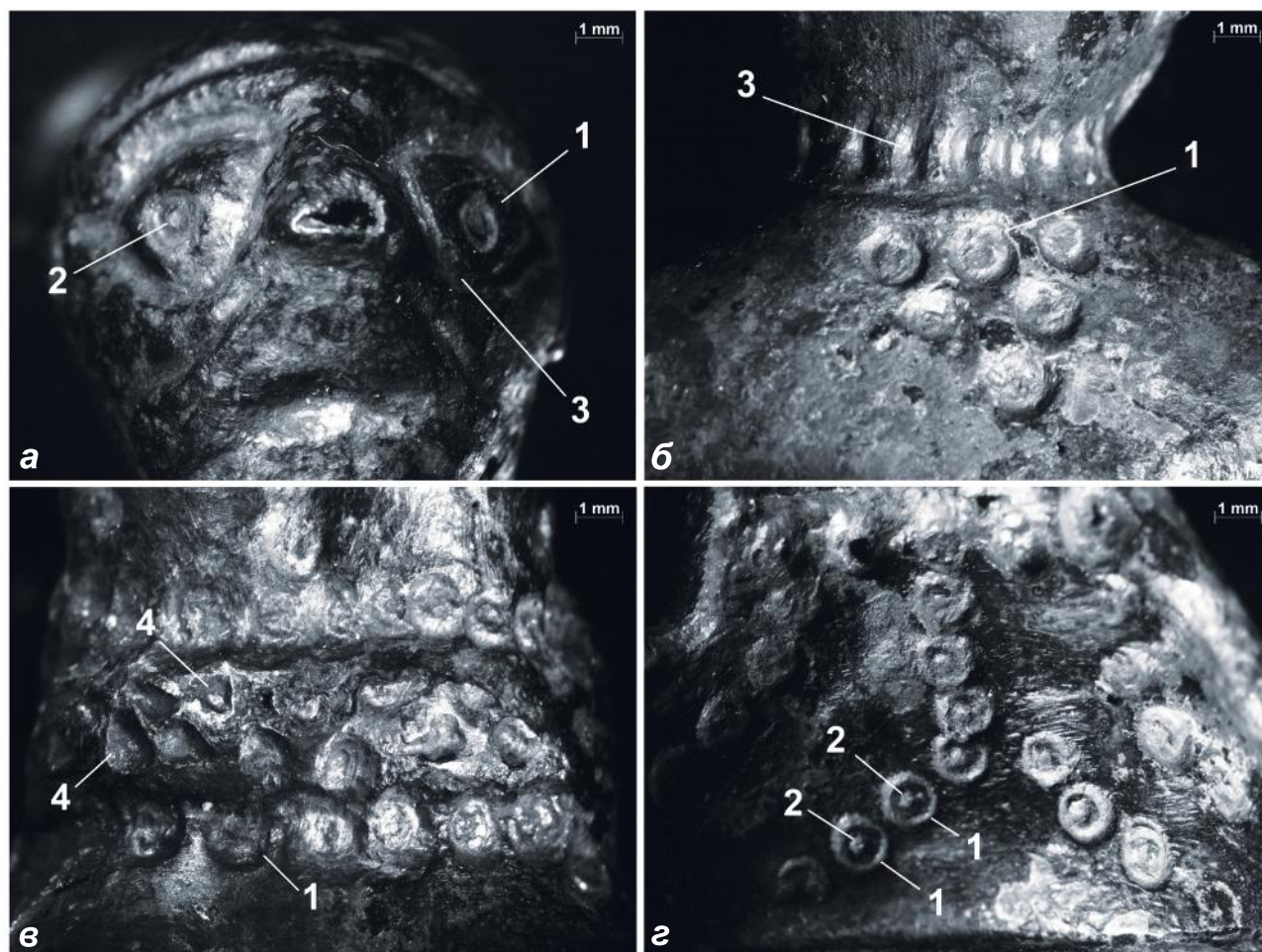

Рис. 3. Следы технологических операций на поверхности фигурки (а–д). 1 – чекан с кольцевым боем; 2 – канфарник; 3 – чекан с прямоугольным боем; 4 – чекан с треугольным боем; а – лицо; б – воротник (вид сзади); в – пояс (вид спереди); г – кафтан, нижняя часть (вид сзади).

Fig. 3. Traces of technological operations on the surface of the figurine (a–d). 1 – punch with a circular mark; 2 – pointed tip punch; 3 – punch with a rectangular mark; 4 – punch with a triangular mark; a – face; b – collar (rear view); c – a belt (front view); d – caftan, lower part (rear view)

Пушкина, 1984; Мурашева, 2005). Р. Перкинс предложил сопоставить миниатюрные скульптуры с “карманными божками” эпохи заката язычества и начала распространения христианства. Такой “божок” из моржового клыка, который указывал на тайное почитание Тора новообращенным христианином, упоминается в “Саге о Халльфреде” (Perkins, 1999. Р. 186, 187; 2001. Р. 61, 62).

Наиболее акцентированной деталью изображений Тора является борода, что и позволяет связывать большинство изображений именно с этим божеством. Традиция подобного отождествления основана на отрывке из “Пряди о Рёгнвальде и Рауде” (Perkins, 2001. Р. 27–29), где говорится о Рауде, который владел колдовством и у которого был храм, посвященный То-

ру. Узнав о нежелательном приближении Олафа Трюггвасона, Рауд обратился к изображению Тора с просьбой подуть в бороду и тем вызвать встречный ветер (Perkins, 1999. Р. 184, 185).

Кроме приведенной выше, существует и другая точка зрения на интерпретацию “идолов”. Она основана на факте, что те из фигурок, которые входили в состав погребальных комплексов, сопровождалась наборами игральные шашки (см. Les Vikings..., 1992. Кат. № 71. Р. 246). Наборы фишек использовались для популярной в эпоху викингов игры hneftafl – “королевская доска”, а антропоморфные фигурки могли выполнять роль “королей” (Хамайко, 2012). Такая ситуация в полной

мере относится и к Черной Могиле, где найдены стеклянные и костяные шашки.

Снятие корки окислов позволило вновь обратиться к вопросу о технологии изготовления фигурки. Результаты исследований показали, что идол был отлит из “чистой” меди (содержание примесей не превышает 1%), детали проработаны в холодную с помощью набора чеканов, а затем фигурка была позолочена с использованием технологии “огневого золочения” (амальгамирования) (Лобода и др., 2018). Особенности химического состава объясняются и некоторые дефекты на поверхности предмета. Небольшие открытые полости, зафиксированные в большинстве случаев на участках, украшенных орнаментом (на поясе, на руке, а также на носу), являются дефектом, свойственным литью меди. Медь — очень вязкий металл, склонный в расплавленном виде поглощать газы. В процессе затвердевания расплава поглощенные газы выделяются и делают массу металла пористой. При последующей обработке и декорировании изделия попадание инструмента на пору, находящуюся близко к поверхности, приводит к продавливанию металла и открытию на поверхности новых полостей. Также к открытию приповерхностной поры на выступающем участке рельефа может привести и травмирование изделия в процессе его использования. Вероятно, именно это мы и наблюдаем на лице идола (рис. 3, а).

После расчистки поверхности стали читаться полностью скрытые ранее детали, которые позволяют добавить информацию к интерпретации этого уникального предмета. Прежде всего, выявилась поза — персонаж сидит, скрестив босые ноги с четко обозначенными пальцами, правая нога лежит сверху. Такая поза необычна для североевропейских фигурок, изображающих бородатого человека, к кругу которых, безусловно, относится и идол из Черной Могила. В изображении человека, сидящего в позе “лотос”, несомненно, читается влияние “востока”.

Изображения людей, сидящих со скрещенными ногами, достаточно широко представлены на ременной гарнитуре IX–X вв. юга Восточной Европы. Наиболее выразительные из этих украшений относятся к кругу памятников IX в., которые А.В. Комар классифицирует как “тип Субботцев” и относит к древностям венгров эпохи их пребывания на территории Восточной Европы (Комар, 2016. С. 545). На

Рис. 4. Поясная бляшка с изображением сидящего лучника. Местонахождение неизвестно (юг России).

Fig. 4. A belt plaque with an image of seated archer. Location unknown (south of Russia).

поясных бляшках из погребения 2 Субботцев (Плетнева, Бокий, 1988. С. 104. Рис. 5, 1) и погребения 1 (курган 32) Катериновки (Комар, 2016. С. 546. Рис. 1) представлен набор персонажей с различными атрибутами в руках, сидящих в позах, близких к позе “лотос”. К этой категории находок безусловно относится и ременная бляшка из коллекции Исторического музея (ГИМ, № 113869, опись В 2835/1206; точное местонахождение неизвестно — юг России) с изображением сидящего со скрещенными ногами человека в руках которого — сложносоставной лук (рис. 4).

К поясным украшениям памятников “типа Субботцев”, кроме А.В. Комара, который собрал большой круг накладок с “сюжетными” изображениями, обращался еще ряд ученых (Король, 2005. С. 157, 158; Тюрк, 2013. С. 236). Все исследователи, в целом, сходятся во мнении, что истоки иконографии “антропоморфно-сюжетных” изображений следует искать на “востоке”, в живописи, а также в сасанидской и “постсасанидской” торевице.

Персонажи со скрещенными ногами во множестве встречены в живописи Согда — в Пенджикенте (рис. 5) (Беленицкий, 1973. Табл. 20, 21), Балалык-Тепе (Belenizki, 1980. S. 215), Афрасиабе (Альбаум, 1975. Табл. VII). В позе “лотос” сидит и правитель, изображенный на блюде из коллекции Эрмитажа со сценой царского приема, которое Б.И. Маршак относит к произведениям согдийской торевики (1971. С. 23, 39) и датирует рубежом VIII–IX вв. Необходимо отметить, что позу правителя со

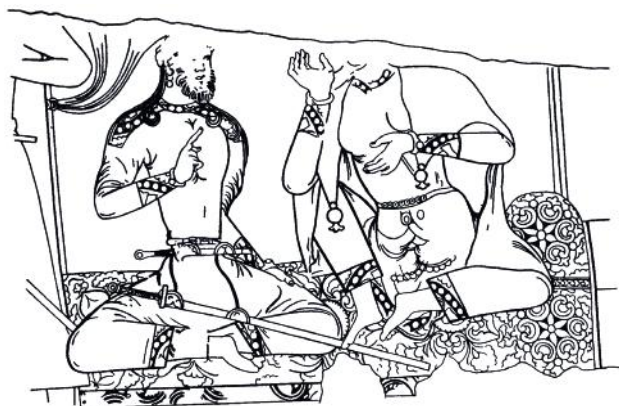

Рис. 5. Сцена приема. Стенные росписи Пенджикента (по: Беленицкий, 1973).

Fig. 5. A reception scene. Wall paintings of Penjikent (after: Belenitsky, 1973)

скрещенными ногами Б.И. Маршак (1971. С. 59), а вслед за ним и В.П. Даркевич (2010. С. 77) относят к возможному влиянию иконографии Будды и других буддийских изображений. В данном контексте представляется уместным вспомнить о знаменитой фигурке Будды, найденной на территории поселения Хельго (Швеция) (VI–VII вв.; *Les Vikings...*, 1992. P. 257), свидетельствующей об интересе к восточной экзотике на севере Европы. Впрочем, нельзя не учитывать, что изображения человеческой фигуры, сидящей со скрещенными ногами неоднократно зафиксированы на территории расселения древних иранцев, а затем ранних тюрок (Яценко, 2010. С. 6–9).

Как совершенно справедливо отметила Т.А. Пушкина, “идол” одет в кафтан (1984. С. 86). В данном случае под этим термином понимается не набор второстепенных признаков одежды (распашной, отрезной по линии талии, определенной длины), а силуэт, который отражает систему кроя (Орфинская, 2012). В древнем мире Европы, Азии и Северной Африки таких силуэтов было всего два: это туника (“Т”) и кафтан (“Х”).

Костюм идола из Черной Могилы проработан достаточно подробно (рис. 3, б–г). На литой фигурке с помощью чеканов, имеющих разную форму бойка, показаны детали одежды. Один из инструментов имеет кольцевидный рабочий край (диаметр отпечатков зависит от силы удара и колеблется от 1.24 до 1.47 мм), второй, канфарник, оставляющий точечный след, имеет бой в виде притупленной

иглы (диаметр отпечатков — 0.35–0.45 мм). Третий чекан оставляет треугольные отпечатки (длина сторон колеблется от 1.11 до 1.31 мм) и четвертый — прямоугольные (ширина — 0.49–0.8 мм) (см. Зайцева, Сарачева, 2011. С. 105). Первые два инструмента использовались в паре (круг с вписанной точкой).

Фигурка облачена в одежду с длинным рукавом, который сужается к запястью и завершается двумя четкими линиями, между которыми расположена полоса с орнаментом из кружков (чекан с кольцевидной рабочей частью и канфарник), вероятно, это выделен манжет¹. Мягкая линия от края рукава до талии и отсутствие складок в районе пояса указывают, что это не туника, а кафтан. Со стороны спины на шее хорошо видна полоса из вертикальных штрихов (выполнены с помощью чекана с прямоугольной рабочей частью), которая исчезает на груди под бородой. Такая полоса может являться отделкой ворота кафтана или отражать наличие воротника-стойки некой нижней одежды. Наличие многослойности в costume резко повышает статус персоны. На груди ниже бороды расположены кружочки, маркирующие вертикальный разрез, а слева и справа от бороды они, скорее всего, оформляют треугольный вырез. Подол одежды приподнят над согнутыми коленями, складки не отмечены, следовательно, можно предположить, что длина кафтана была примерно до середины бедра. Вокруг талии одежда опоясана полосой, на которой виден декор в форме маленьких треугольников (нанесены чеканом с треугольной рабочей частью). Так мог изображаться мягкий кожаный или тканевый пояс, украшенный либо металлическими бляшками, либо изготовленный из ткани, рисунок которой отличается от рисунка ткани самого кафтана.

Декор расположен также на спине, плечах, рукавах, груди, выше и ниже пояса, на передней части подола и на задней части юбки, а также на ногах фигурки. Кружочки и треугольные углубления могут отражать как декор одежды (треугольник из кружочков на спине, манжеты, пояс), так и различные ткани или узор на них (пояс, кафтан), могут обозначать конструктивные особенности, маркировать швы или выделять зону декора по швам (складки на задней части юбки, плечевые швы

¹ После реставрации 1982 г. угадывался лишь один манжет, который был интерпретирован как браслет (Пушкина, 1984. С. 86).

и шов стан-рукав). На подъеме стопы левой ноги видны две поперечные полосы. Вдоль ног проходят полосы из кружочков, аналогичных кружочкам плечевой одежды. Возможно, это штаны (или ноговицы) с полосой декора вдоль ноги, как на изображениях штанов с вертикальным рядом круглых украшений, представленных на мужских надгробьях позднеантичного времени из Пальмиры (Seyrig, 1937. Fig. 11) и на мозаиках V–VII вв. в Равенне (Яценко, 2006. Рис. 173).

Представляется возможным предложить следующий вариант реконструкции костюма идола — это кафтан-куртка с неглубоким треугольным вырезом горловины и разрезом до талии. Подол доходит до середины бедра или чуть выше, рукава длинные с манжетами. На спине у горловины, а также выше и ниже пояса, по подолу и задней части юбки нанесен узор, который может показывать декор или конструктивные особенности кроя. Ноги закрыты или штанами, или ноговицами. Следовательно, на фигуре изображен комплект одежды, характерный для костюма “восточного” типа.

Такие комплекты (кафтан, нижняя рубаша или нижний кафтан, штаны и ноговицы или чулки) были обнаружены в погребениях VI–VII вв. в ходе раскопок А. Гайе в Ахмиме и в Пальмире (Bonnard et al., 2013. P. 96–107), а также в скальных могильниках Северного Кавказа VIII–IX в. (Орфинская, 2001. С. 28–31). Данные комплекты, возникшие в среде кочевников, вместе с распространением всадничества вошли в воинский обиход многих народов. Изначально являясь атрибутом элитарности, данная удобная одежда “спускается” вниз по социальной лестнице, теряя богатство тканей и декора, становясь демократичней и проще. Постепенно кафтан занимает ведущее место в мужском костюме вне зависимости от национальности.

Система кроя кафтана, по мнению многих исследователей, происходит из Центральной Азии (Vogelsand-Eastwood, 2004 P. 221; Fluck, 2012. P. 160–163). Сасанидские цари и слуги одевались в кафтаны северо-восточного центральноазиатского стиля (Vogelsand-Eastwood, 2004. P. 222), аналогичный тип одежды изображен на упомянутых выше фресках из Пенджикента (Беленицкий, 1973. Табл. 20, 21) (рис. 5) и Афрасиаба (Альбаум, 1975. Табл. VII).

Важно отметить, что в позднем железном веке изображения людей в кафтанах появляются

Рис. 6. Накладки на шлем (Вендель, Швеция, вторая половина VII в.) (по: Dickinson, Härke, 1992).

Fig. 6. Helmet plate (Vendel, Sweden, the 2nd half of the 7th century) (after: Dickinson, Härke, 1992)

и на севере Европы (Ratke, 2009. S. 39, 41. Abb. 4.1; 4.4; Dickinson, Härke, 1992. P. 56) (рис. 6). Однако исследователи иконографии изображения костюма раннесредневековой Скандинавии полагают, что кафтан связан не с реалиями обыденности, а исключительно с героической сферой жизни и должен был служить одеждой богов и героев (Mannering, 2017; Oehrl, 2017. P. 186).

Известны изображения людей в кафтанах и в эпоху викингов, например, фигурка воина (Один?) из погребения 871 Бирки (Arbman, 1940. Taf. 92, 9), персонаж с кольцом в руках (Сигурд?) (Петрухин, 1999. С. 43. Рис. 1). В своей работе “Одежда викингов”, основанной на изобразительных и археологических источниках, Т. Юинг указывает на присутствие в мужском костюме как туники, так и кафтана (Ewing, 2006. P. 81–90, 108–114). Археологическое подтверждение распространения моды на кафтаны — находки серий пуговиц в погребениях, которые, по мнению И. Янссона, являются маркером использования одежды “восточного” покроя, пришедшей на север Европы опосредовано, через земли Древней Руси (Jansson, 1988. S. 605, 606). Пуговицы в мужских погребениях обнаружены и на территории Восточной Европы, в некрополях

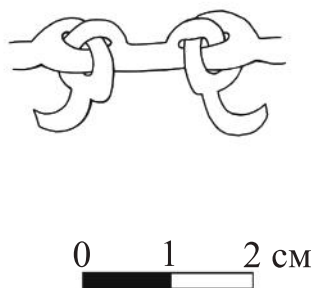

Рис. 7. Деталь пояса (схема-развертка) идола из Черной Могилы. Рис. А.С. Деметьевой.

Fig. 7. A detail of the idol's belt (flat pattern) from Chernaya Mogila. Drawing by A.S. Demytyeva

памятников, среди населения которых зафиксированы выходцы с территории Скандинавии (Михайлов, 2005. С. 57, 58). Необходимость в застежке обусловлена особенностями фасона: кафтан плотно облегает человеческую фигуру и для облегчения надевания необходим разрез (центральный или сдвинутый, до подола или чуть ниже талии), который и застегивался на пуговицы. Вероятно, мода на кафтаны в X в. выходит за пределы воинской элиты, однако, в изображении богов он остается символом избранности на протяжении веков. Костюм идола из Черной Могилы в отличие от кафтанов раннего железного века насыщен конкретными деталями, которые говорят о знакомстве автора с реальными образцами.

Неожиданной деталью костюма “восточного” облика оказался пояс, на котором вместо традиционно подвешенного оружия дважды, на обоих боках, завязаны замысловатые узлы (рис. 7). Происхождение данной детали следует искать совсем в иных пределах — на севере. Узлы разных форм занимают заметное место в орнаментике Скандинавии эпохи викингов. По мнению некоторых исследователей, особая любовь норманнов к данной детали орнамента связана с мореплаванием и важной ролью морских узлов, не исключено также, что завязывание узлов отражает магические верования (Тодорова, 1993. С. 127). С точки зрения иконографического сходства с изображением пояса идола из Черной Могилы, важно отметить рельеф на камне из графства Камберленд (Англия) с изображением Слейпнира (восьминогий коня Одина) (Ellis Davidson, 1967. Pl. 64) и свинцовую накладку из Гнездова в виде

дракона (Авдусина, 2012. С. 152. Рис. 1). Хвосты обоих фантастических существ завязаны тройными узлами.

Интересно отметить, что миниатюрная женская фигурка, изображающая некое сверхъестественное существо (богиню, валькирию или норну) и найденная на территории Дании (Fugledegård), также “отмечена” узлом на боку (Price, 2014. P. 166) (рис. 8). Однако конфигурация узла иная — это замкнутая фигура, “узел бесконечности”, “трикветра” (*triquetra*). Данный символ, вероятно, был общим для германских племен, этот сакральный или магический знак встречается на англо-саксонских и меровингских монетах VIII в., в X в. тройной узел чеканится на норвежских монетах и на некоторых монетах Йорка (Graham-Campbell, 1980. P. 110).

Итак, открывшийся после расчистки, “истинный” облик идола из Черной Могилы демонстрирует нам удивительную картину синтеза северных и восточных элементов. “Восточный флер” заставляет нас обратиться к прологу к “Младшей Эдде”, в котором С. Стурлусон пишет о происхождении Асов из загадочных далеких стран. Вот как Снорри описывает Азию: “В этой части мира все красиво и пышно, там владения земных плодов, золото и драгоценные камни. Там находится и середина земли. И потому, что сама земля там во всем прекраснее и лучше, люди, ее населяющие, тоже выделяются всеми дарованиями: мудростью и силой, красотой и всевозможными знаниями” (Стурлусон, 1970. С. 11, 12). Наделяя Асов необыкновенными свойствами и божественными функциями, автор “Младшей Эдды” пытается объяснить эти качества их происхождением из удивительных, по сути дела, волшебных краев. Наделение внешности языческих богов чертами, выходящими за пределы обыденности, вполне естественно, вспомним, например, о Перуне “с серебряной головой и золотыми усами” (Повесть Временных лет, 1999. С. 174).

Любовь выходцев из Скандинавии к “восточной” экзотике выразилось, безусловно, не только в наделении особыми деталями идола из кургана Черная Могила. Необычные иноземные предметы неизменно привлекали внимание (Kleingärtner, 2014. P. 74, 75), так, например, серебряные поясные украшения, изготовленные на территории Хазарского каганата, могли быть переосмыслены и часто превращались в подвески к ожерелью (Arne, 1914. P. 222;

Рис. 8. Женская фигурка (валькирия? богиня?), Дания, Fugledegerd (по: Price, 2014).

Fig. 8. A female figure (a valkyrie? a goddess?), Denmark, Fugledegerd (after: Price, 2014)

Jansson J., 1986. S. 80–91; Jansson I. 1988. S. 605–607; Мурашева, 2001. С. 154; Пушкина, 2007).

Воплощение “восточных” фантазий выразилось во вполне конкретных формах, которые могли быть почерпнуты на Аустрвег (“восточном пути”), т.е. на территории Восточной Европы, где отмечены существенные изменения в материальной культуре древнерусской дружины во второй половине X в. Происходит “номадизация” комплекса вооружения, что связано с процессом освоения навыков конного боя. Помимо вооружения заимствуется и мода на элементы всаднического костюма: кафтаны, наборные пояса, сумки-ташки (Каинов, 2014. С. 100). “Восточный флер” отличающий фигурку от скандинавских “собратьев”, дает возможность предположить, что она была изготовлена скандинавским мастером на территории Древней Руси.

В заключение вновь вернемся к проблеме интерпретации фигурки. Вероятно, современные исследования не могут дать однозначный ответ о семиотическом статусе бородатых фигурок — были ли это “карманные божки” или “короли” для игры в *hneftafl*. Однако стоит

обратить внимание на тот факт, что сияющий золотом “идол” был снят с кострища и помещен в верхнюю часть насыпи, что, безусловно, говорит об особом внимании к предмету, явно выходящем за пределы отношения к игровой фишке. Вместе с идолом в комплекс у вершины кургана были положены, образуя, вероятно, символический комплекс предметов, отражающий “парность” захоронения и его высокий статус, — два шлема, два окованных серебром ритона из турьих рогов, два обоюдоострых ножа, две кольчуги (Самоквасов, 1917. С. 7, 8). Ни стеклянные, ни костяные шашки в состав этого набора не вошли.

Работа выполнена при поддержке гранта РНФ, проект № 17-18-01399.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авдусина С.А. Накладка в виде дракона из Гнёздова // *Образы времени. Из истории древнего искусства. К 80-летию С.В. Студзицкой*. М.: ГИМ, 2012 (Труды ГИМ; вып. 189). С. 149–153.
- Археология, история и архивное дело России в переписке профессора Д.Я. Самоквасова / Сост., вступ. ст. и коммент. С.П. Щавелева. Курск: Курский гос. мед. ун-т, 2007. 506 с.
- Альбаум Л.И. Живопись Афрасиаба. Ташкент: Фан, 1975. 160 с.
- Беленицкий А.М. Монументальное искусство Пенджикента. Живопись, скульптура. М.: Искусство, 1973. 68 с.
- Бокий Н.М., Плетнева С.А. Захоронение семьи воина-кочевника X века в бассейне Ингула // *СА*. 1988. № 2. С. 99–115.
- Даркевич В.П. Художественный металл Востока VIII–XIII вв. М.: URSS, 2010. 185 с.
- Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. М.: Наука, 1986. 234 с.
- Ениосова Н.В., Колосков С.А., Митоян Р.А., Сарачева Т.Г. О применении рентгено-флюоресцентного энерго-дисперсионного анализа в археологии // *Вестник МГУ. Серия 8: История*. 1997. № 1. С. 113–131.
- Зайцева И.Е., Сарачева Т.Г. Ювелирное дело “земли вятичей”. М.: Индрик, 2011. 402 с.
- Каинов С.Ю. Начальные этапы формирования древнерусского комплекса боевых средств // *Воинские традиции в археологическом контексте: от позднего латена до позднего средневековья*. Тула: Гос. военно-историч. и природный музей-заповедник, 2014. С. 97–101.

- Комар А.В. Поясные наборы с “мифологическими” сюжетами // *Between Byzantium and the steppe* / Eds A. Mihácz-Pálfi, Z. Mazek. Budapest: Kydex Könyvgyártó Kft., 2016. С. 545–556
- Король Г.Г. Антропоморфно-сюжетные изображения на ременных украшениях кочевников Евразии конца I – начала II тыс. н.э. // *Снаряжение кочевников Евразии* / Ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 157–162.
- Лобода А.Ю., Колобылина Н.Н., Терещенко Е.Ю., Мурашева В.В., Шевцов А.О., Васильев А.Л., Ретивов В.М., Кашкаров П.К., Яцишина Е.Б., Ковальчук М.В. Исследование технологии золочения “идола” из кургана “Черная Могила” (X в.) // *Кристаллография*. 2018. Т. 63, № 6. С. 992–1000.
- Маршак Б.И. Согдийское серебро. Очерки по восточной торевице. М.: Наука, 1971. 191 с.
- Михайлов К.А. Древнерусские кафтаны “восточного” типа (мода, происхождение, хронология) // *Вестник молодых ученых. Серия: Исторические науки*. 2005. № 1. С. 56–65.
- Моця О.П., Казаков А.Л. Давньоруський Чернігів. Київ: Стародавній Світ, 2011. 314 с.
- Мурашева В.В. Бляшки-подвески с территории Древней Руси // XIV Конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии: тез. докл. Москва; Архангельск: Поморский ГУ им. М.В. Ломоносова, 2001. С. 154.
- Мурашева В.В. “Идол” из Гнездова // *РА*. 2005. № 1. С. 124–129.
- Орфинская О.В. Текстиль VIII–IX вв. из коллекции Карачаево-Черкесского музея: технологические особенности в контексте культуры ранне-средневековой Евразии: дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. 268 с.
- Орфинская О.В. Три источника, или к вопросу о классификации кроя одежды // *Женская традиционная культура и костюм в эпоху средневековья и новое время: материалы научно-образов. семинара, 9–10 ноября 2012 г.* М.; СПб.: Альянс-Архео, 2012. С. 76–92.
- Петрухин В.Я. “Сага о Вольсунгах” на “Восточном пути” // *Археологический сборник* / Ред. Н.Г. Недошивина. М.: ГИМ, 1999 (Труды ГИМ; вып. 111). С. 43–46.
- Повесть временных лет. СПб.: Наука, 1999 (Литературные памятники). 667 с.
- Пушкина Т.А. Бронзовый идол из Черной Могилы // *Вестник МГУ. Серия 8: История*. 1984. № 3. С. 86–87.
- Пушкина Т.А., Петрухин В.Я. История бородатого божка // *Живая старина*. 1995. № 3 (7). С. 48–49.
- Пушкина Т.А. Сувениры Аустрвег // *У истоков русской государственности: к 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикова Городища и Новгородской областной археологической экспедиции: историко-археологический сб.: материалы конф. (4–7 октября 2005 г., Великий Новгород)* / Ред.: Е.Н. Носов, А.Е. Мусин. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 325–331.
- Рыбаков Б.А. Древности Чернигова // *Материалы и исследования по археологии древнерусских городов*. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949 (МИА; № 11). С. 7–92.
- Самоковасов Д.Я. Могила русской земли. М.: Синод. тип., 1908а. 276 с.
- Самоковасов Д.Я. Раскопки древних могил и описание, хранение и издание могильных древностей. М.: Синод. тип., 1908б. 26 с.
- Самоковасов Д.Я. Могиленные древности Северянской Черниговщины. М.: Синод. тип., 1917. 101 с.
- Стурлусон С. Младшая Эдда. Л.: Наука, 1970 (Литературные памятники). 253 с.
- Тодорова С.М. Генезис орнаментальной традиции рунических камней. Классификация орнамента // XII Конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. М.: ИРИ РАН, 1993. С. 126–128.
- Тюрк А. От Урала до Карпат. Новые результаты и перспективы в археологии Восточной Европы по поводу древних венгров // II Международный Мадьярский симпозиум / Ред. С.Г. Боталов, Н.О. Иванова. Челябинск: Рифей, 2013. С. 231–237.
- Хамайко Н.В. Тавлейные короли X в. // *Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства: материалы конф., посвящ. 110-летию со дня рожд. И.И. Ляпушкина*. СПб.: СОЛО, 2012. С. 284–288.
- Яценко С.А. Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). М.: Вост. литература, 2006. 664 с.
- Яценко С.А. Сидящий мужской персонаж с сосудом в руке на сакской бронзовой “курильнице” из Семиречья // *История и археология Семиречья*. Вып. 4. Алматы: Ин-т археол. им. А.Х. Маргулана, 2010. С. 3–22.
- Arbman H., Birka I. Die Graber. Tafeln. Uppsala: Bokförlags Aktiebolaget Thule. 1940. 560 s.
- Arne T. La Suède et l’Orient. Uppsala: K.W. Appelbergs Boktryckeri, 1914. 240 p.
- Belenizki A.M. Mittelasiens Kunst der Sogden. Leipzig: E.A. Seemann. Buch- und Kunstverlag, 1980. 239 S.
- Bonnard D., Calament F., Durand M. Antinoé, a la vie, a la mode: Visions d’élégance dans les solitudes. Lyon: Editions Fage, 2013. 440 p.

- Dickinson T., Härke H.* Early Anglo-Saxon shields. London: The society of Antiquaries of London, 1992. 94 p.
- Ellis Davidson H.R.* Pagan Scandinavia. London: Thames and Hudson, 1967. 214 p.
- Ewing T.* Viking Clothing. L.: Tempus, 2006. 176 p.
- Fluck C.* Dress styles from Syria to Libya // Byzantium and Islam: Age of Transition, 7th–9th century. N. Y.: Metropolitan Museum, 2012. P. 160–161.
- Graham-Campbell J.* Viking Artefacts. L.: British Museum Publ., 1980. 312 p.
- Jansson I.* Wikingerzeitlicher orientalischer Import in Scandinavien // Oldenburg – Wolin – Staraja Ladoga – Novgorod – Kiev. Mainz am Rhein: Philipp von Zabern, 1988 (Bericht der Romisch-Germanischen Kommission; Bd. 69). S. 564–647.
- Jansson J.* Gurtel und Gurtelzubehör // Birka–II: 2 / Ed. G. Arwidsson. Stockholm: Almqvist & Wiksell Intern., 1986. S. 77–108.
- Kleingärtner S.* Reuse of foreign object // Vikings. Life and legend / Eds G. Williams et al. L.: The British Museum, 2014. 288 p.
- Mannering U.* Iconic costumes. Scandinavian Late Iron Age costume iconography. Oxford: Oxbow Books, 2017. 214 p.
- Oehrl S.* Recensionen: Ulla Mannering, Iconic costumes. Scandinavian Late Iron Age costume iconography // Fornvännen. 2017. V. 112. P. 186–188.
- Perkins R.* The gateway to Trondheim: Two Icelanders at Agdenes // Saga-Book. V. XXV, Part 2. L.: Viking soc. for Northern Research. Univ. College London, 1999. P. 179–213.
- Perkins R.* Thor the wind-raiser and the Eyraaland image. L.: Viking soc. for Northern Research. Univ. College London, 2001. 177 p.
- Price N.* Belief and Rituals // Vikings. Life and legend / Eds. G. Williams et al. L.: The British Museum, 2014. P. 162–201.
- Ratke S.* Guldgubber – Einblicke in die Völkerwanderungszeit. Bonn: Rheinischen Friedrich-Wilhelms Univ., 2009. 259 S.
- Seyrig H.* Armes et costumes iraniens de Palmyre // Syria. 1937. № 18. P. 4–31.
- Les Vikings... Les Scandinaves et l'Europe 800–1200.* Uddevalla: Bohuslänningens Boktryckeri AB, 1992. 429 p.
- Vogelsand-Eastwood G.* Sasanian “Riding-coats”: The Iranian evidence // Riding Costume in Egypt: Origin and Appearance / Eds C. Fluck, G. Vogelsand-Eastwood. Leiden: Brill NV, 2004 (Studies in Textile and Costume History; vol. 3). P. 210–227.

“NEW HISTORY” OF THE “IDOL” FROM THE MOUND CHERNAYA MOGILA (10th c.)

Veronika V. Murasheva^{1,*}, Olga V. Orfinskaya^{2,**}, Anastasia Yu. Loboda^{3,***}

¹ The State Historical Museum, Moscow, Russia

² Centre for Egyptian Studies RAS, Moscow, Russia

³ National Research Centre “Kurchatov Institute”, Moscow, Russia

*E-mail: vmurasheva@mail.ru

**E-mail: orfio@yandex.ru

***E-mail: lobodaau@mail.ru

The mound of Chernaya Mogila (Chernigov, excavations of D.Ya. Samokvasov in 1872–1873) is the largest (nearly 10 m high) and best-known barrow of the Rus' late paganism. Among its rich grave goods, an anthropomorphic figurine, the “idol”, is of particular interest. Its uniqueness is due to the extreme rarity of anthropomorphic images belonging to the period of the Rus' state formation (the late 9th – the early 11th century). Initially, the figurine was covered with such a thick layer of oxides that its features were hardly distinguishable. The first attempt at restoration (1982) revealed some details allowing T.A. Pushkina to attribute it as a product of a Scandinavian craftsman and interpret it as an image of the god Thor. During the new stage of restoration (2010), the original surface of the object was completely cleaned and previously concealed details were uncovered, which made it necessary to resume studying this object of miniature sculpture. The analysis of the details suggests a synthesis of northern and “Oriental” features in the appearance of the “idol” and makes it possible to assume that the figurine was created in the territory of Eastern Europe.

Keywords: Rus' state formation period, paganism, ethnocultural relations, costume history.

REFERENCES

- Al'baum L.I., 1975. Zhivopis' Afrasiaba [The Afrasiab painting]. Tashkent: Fan. 160 p.
- Arbman H., 1940. Birka I. Die Graber. Tafeln. Uppsala: Bokförlags Aktiebolaget Thule. 560 p.
- Arkheologiya, istoriya i arkhivnoye delo Rossii v perepiske professora D.Ya. Samokvasova [Archaeology, history and archive-keeping of Russia in the correspondence of Prof. D.Ya. Samokvasov]. S.P. Shchavlev, ed. Kursk: Kurskiy gos. med. univ., 2007. 506 p.
- Arne T., 1914. La Suède et l'Orient. Uppsala: K.W. Appelbergs Boktryckeri. 240 p.
- Avdusina S.A., 2012. Dragon-shaped plaque from Gnezdovo. *Obrazy vremeni. Iz istorii drevnego iskusstva. K 80-letiyu S.V. Studzitskoy* [Images of time. From the history of ancient art. To the 80th annivers. of S.V. Studzitskaya]. Moscow: GIM, pp. 149–153. (Trudy GIM, 189). (In Russ.)
- Belenitskiy A.M., 1973. Monumental'noye iskusstvo Pendzhikenta. Zhivopis', skul'ptura [Penjikent monumental art. Painting, sculpture]. Moscow: Iskusstvo. 68 p.
- Belenizki A.M., 1980. Mittelasiien Kunst der Sogden. Leipzig: E.A. Seemann. Buch- und Kunstverlag. 239 p.
- Bokiy N.M., Pletneva S.A., 1988. 10th century family burial of a nomad warrior in the Ingul River basin. *SA [Sov. Archaeology]*, 2, pp. 99–115. (In Russ.)
- Bonnard D., Calament F., Durand M., 2013. Antinoé, a la vie, a la mode: Visions d'élégance dans les solitudes. Lyon: Editions Fage. 440 p.
- Darkevich V.P., 2010. Khudozhestvennyy metall Vostoka VIII–XIII vv. [Artistic metalworks of the Orient of the 8th–13th centuries]. Moscow: URSS. 185 p.
- Dickinson T., Härke H., 1992. Early Anglo-Saxon shields. London: The society of Antiquaries of London. 94 p.
- Dyumezil' Zh., 1986. Verkhovnyye bogi indoyevropeytsev [The supreme gods of Indo-Europeans]. Moscow: Nauka. 234 p.
- Ellis Davidson H.R., 1967. Pagan Scandinavia. London: Thames and Hudson. 214 p.
- Eniosova N.V., Koloskov S.A., Mitoyan R.A., Saracheva T.G., 1997. On the application of X-ray fluorescent energy dispersion analysis in archaeology. *Vestnik Mos. gos. univ. Seriya 8 Istoriya [Bulletin of Moscow University. Series 8: History]*, 1, pp. 113–131. (In Russ.)
- Ewing T., 2006. Viking Clothing. London: Tempus. 176 p.
- Fluck C., 2012. Dress styles from Syria to Libya. *Byzantium and Islam: Age of Transition, 7th–9th century*. New York: Metropolitan Museum, pp. 160–161.
- Graham-Campbell J., 1980. Viking Artefacts. London: British Museum publishes. 312 p.
- Jansson I., 1988. Wikingerzeitlicher orientalischer Import in Scandinavien. *Oldenburg – Wolin – Staraja Ladoga – Novgorod – Kiev*. Mainz am Rhein: Philipp von Zabern, pp. 564–647. (Bericht der Romisch-Germanischen Kommission, 69).
- Jansson J., 1986. Gurtel und Gurtelzubehör. *Birka-II: 2*. G. Arwidsson, ed. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, pp. 77–108.
- Kainov S.Yu., 2014. The initial stages in the formation of the military equipment complex of Ancient Rus. *Voinskiye traditsii v arkheologicheskom kontekste: ot pozdnego latena do pozdnego srednevekov'ya [Military traditions in an archaeological context: from the late La Tene to the late Middle Ages]*. Tula: Gos. voyenno-istorich. i prirodnyy muzey-zapovednik, pp. 97–101. (In Russ.)
- Khamayko N.V., 2012. Tafl king figurines of the 10th century. *Slavyane Vostochnoy Evropy nakanune obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva: materialy konf., posv. 110-letiyu so dnya rozhd. I.I. Lyapushkina [Slavs of Eastern Europe on the eve of the formation of the Ancient Rus state: Proceed. of the Conf. dedicated to the 110th anniv. of I.I. Lyapushkin]*. St. Petersburg: SOLO, pp. 284–288. (In Russ.)
- Kleingärtner S., 2014. Reuse of foreign object. *Vikings. Life and legend*. G. Williams, ed. London: The British Museum. 288 p.
- Komar A.V., 2016. Belt sets with 'mythological' subjects. *Between Byzantium and the steppe*. A. Mihácz-Pálfi, Z. Mazek, eds. Budapest: Kydex Könyvgyártó Kft, pp. 545–556 (In Russ.)
- Korol G.G., 2005. Anthropomorphic subject images on the belt ornaments of the Eurasian nomads of the late 1st – early 2nd millennium AD. *Snaryazheniye kochevnikov Evrazii [Equipment of Eurasian nomads]*. A.A. Tishkin, ed. Barnaul: Izd. Alt. univ., pp. 157–162. (In Russ.)
- Les Vikings... Les Scandinaves et l'Europe 800–1200. Uddevalla: Bohuslänningens Boktryckeri AB, 1992. 429 p.
- Loboda A.Yu., Kolobylna N.N., Tereshchenko E.Yu., Murasheva V.V., Shevtsov A.O., Vasil'yev A.L., Retivov V.M., Kashkarov P.K., Yatsishina E.B., Koval'chuk M.V., 2018. Study of the gilding technology of the "idol" from the 10th century mound Chernaya Mogila. *Kristallografiya [Crystallography Reports]*, vol. 63, no. 6, pp. 992–1000. (In Russ.)
- Mannering U., 2017. Iconic costumes. Scandinavian Late Iron Age costume iconography. Oxford: Oxbow Books. 214 p.
- Marshak B.I., 1971. Sogdiyskoye serebro. Ocherki po vostochnoy toreutike [Sogdian silver. Studies on oriental toreutics]. Moscow: Nauka. 191 p.
- Mikhaylov K.A., 2005. "Oriental" *caftans* of the Ancient Rus (fashion, origin, chronology). *Vestnik molodykh uchenykh. Seriya Istoricheskoye nauki [Transactions*

- of young researchers. *Series: Historical Sciences*], 1, pp. 56–65. (In Russ.)
- Motsya O.P., Kazakov A.L., 2011. Davn'orus'kiy Chernigiv [Chernigov of the Ancient Rus period]. Kiiv: Starodavniy Svit. 314 p.
- Murasheva V.V., 2001. Pendant plaques from the territory of Ancient Rus. *XIV Konferentsiya po izucheniyu istorii, ekonomiki, literatury i yazyka Skandinavskikh stran i Finlyandii: tez. dokl. [XIV Conference of the Historical, Economic, Literature and Language Studies of the Scandinavian Countries and Finland: Proceed.]*. Moscow; Arkhangel'sk: Pomorskiy gos. univ. im. M.V. Lomonosova, p. 154. (In Russ.)
- Murasheva V.V., 2005. The “idol” from Gnezdovo. *RA [Rus. Archaeology]*, 1, pp. 124–129. (In Russ.)
- Oehrl S., 2017. Recensioner: Ulla Mannering, Iconic costumes. *Scandinavian Late Iron Age costume iconography. Fornvännen*, 112, pp. 186–188.
- Orfinskaya O.V., 2001. Tekstil' VIII–IX vv. iz kollektsii Karachayevo-Cherkesskogo muzeya: tekhnologicheskiye osobennosti v kontekste kul'tury rannesrednevekovoy Evrazii: diss. ... kand. ist. nauk [Textiles of the 8th–9th centuries from the collection of the Karachay-Cherkess Museum: technological features in the context of the culture of early medieval Eurasia: Doctoral thesis for the degree in History]. Moscow. 268 p.
- Orfinskaya O.V., 2012. Three sources, or to the classification of garment cut. *Zhenskaya traditsionnaya kul'tura i kostyum v epokhu srednevekov'ya i novoye vremya: materialy mezhdunarodnogo nauchno-obrazovatel'nogo seminara [Women's traditional culture and costume in the Middle Ages and the New Time: Proceed. of the scientific educational seminar]*. Moscow; St. Petersburg: Al'yans-Arkheo, pp. 76–92. (In Russ.)
- Perkins R., 1999. The gateway to Trondheim: Two Icelanders at Agdenes. *Saga-Book*, vol. XXV, part 2. London: Viking Soc. for Northern Research, Univ. College, pp. 179–213.
- Perkins R., 2001. Thor the wind-raiser and the Eyraaland image. London: Viking Society for Northern Research, Univ. College. 177 p.
- Petrukhin V.Ya., 1999. The Saga of the Volsungs on the “Eastern Path”. *Arkheologicheskiy sbornik [Archaeological collection]*. N.G. Nedoshivina, ed. Moscow: GIM, pp. 43–46. (Trudy GIM, 111). (In Russ.)
- Povest' vremennykh let [The Tale of Bygone Years]. St. Petersburg: Nauka, 1999. 667 p. (Literaturnyye pamyatniki).
- Price N., 2014. Belief and Rituals. *Vikings. Life and legend*. G. Williams, ed. London: The British Museum, pp. 162–201.
- Pushkina T.A., 1984. The bronze idol from Chernaya Mogila. *Vestnik Mosk. gos. univ. Seriya 8. Istoriya [Bulletin of Moscow Univ. Series 8: History]*, 3, pp. 86–87. (In Russ.)
- Pushkina T.A., 2007. Austrweg souvenirs. *U istokov russkoy gosudarstvennosti: k 30-letiyu arkheologicheskogo izucheniya Novgorodskogo Ryurikova Gorodishcha i Novgorodskoy oblastnoy arkheologicheskoy ekspeditsii: istoriko-arkheologicheskiy sbornik: materialy konf. [At the origins of the Russian statehood: to the 30th anniversary of the archaeological research on the Novgorod Rurikovo Gorodishche and the Novgorod regional archaeological expedition: a historical and archaeological collection: Conf. proceed.]* (2005). E.N. Nosov, A.E. Musin, eds. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, pp. 325–331. (In Russ.)
- Pushkina T.A., Petrukhin V.Ya., 1995. The story of the bearded idol. *Zhivaya starina [Living Antiquity Journal]*, 3 (7), pp. 48–49. (In Russ.)
- Ratke S., 2009. Guldgubber – Einblicke in die Völkerwanderungszeit. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Univ. 259 p.
- Rybakov B.A., 1949. Antiquities of Chernigov. *Materialy i issledovaniya po arkheologii drevnerusskikh gorodov [Materials and research on the archaeology of the Ancient Rus towns]*, I. Moscow; Leningrad: Izd. AN SSSR, pp. 7–92. (MIA, 11). (In Russ.)
- Samokvasov D.Ya., 1908a. Mogily russkoy zemli [Graves on the Russian land]. Moscow: Sinod. tip. 276 p.
- Samokvasov D.Ya., 1908b. Raskopki drevnikh “mogil” i opisanie, khranenie i izdanie mogil'nykh drevnostey [Excavations of ancient graves and the description, storage and publication of grave antiquities]. Moscow: Sinod. tip. 26 p.
- Samokvasov D.Ya., 1917. Mogil'nyye drevnosti Severyanskoy Chernigovshchiny [Grave antiquities from Chernigov region of the Siverian land]. Moscow: Sinod. tip. 101 p.
- Seyrig H., 1937. Armes et costumes iraniens de Palmyre. *Syria*, 18, pp. 4–31.
- Sturluson S., 1970. Mladshaya Edda [*Prose Edda*]. Leningrad: Nauka. 253 p. (Literaturnyye pamyatniki).
- Todorova S.M., 1993. The genesis of the ornamental tradition of runic stones. A classification of ornaments. *XII Konferentsiya po izucheniyu istorii, ekonomiki, literatury i yazyka Skandinavskikh stran i Finlyandii [XII Conf. on the Historical, Economic, Literature and Language Studies of the Scandinavian Countries and Finland]*. Moscow: IRI RAN, pp. 126–128. (In Russ.)
- Turk A., 2013. From the Urals to the Carpathians. New results and prospects in the archaeology of Eastern Europe on the issue of ancient Hungarians. *II Mezhdunarodnyy Mad'yarskiy simpozium: sbornik trudov [2nd International Magyar Symposium: Collected papers]*. S.G. Botalov, N.O. Ivanova, eds. Chelyabinsk: Rifei, pp. 231–237. (In Russ.)

- Vogelsand-Eastwood G.*, 2004. Sasanian “Riding-coats”: The Iranian evidence. *Riding Costume in Egypt: Origin and Appearance*. C. Fluck, G. Vogelsand-Eastwood, eds. Leiden: Brill NV, pp. 210–227. (Studies in Textile and Costume History, 3).
- Yatsenko S.A.*, 2006. *Kostyum drevney Evrazii (iranoyazychnyye narody)* [Costume of ancient Eurasia (Iranian-speaking peoples)]. Moscow: Vost. lit. 664 p.
- Yatsenko S.A.*, 2010. Seated male character with a vessel in his hand on the Saka bronze ‘censer’ from Semirechye. *Istoriya i arkheologiya Semirech'ya* [History and Archaeology of Semirechye], 4. Almaty: IA im. A.Kh. Margulana, pp. 3–22. (In Russ.)
- Zaytseva I.E., Saracheva T.G.*, 2011. *Yuvelirnoye delo “zemli vyatichey”* [Jewelery of the “Land of the Vyatichs”]. Moscow: Indrik. 402 p.